

Павел Иванович Якушкин

Бывалое и небывальщина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я49

Я49 **Якушкин П.**
Бывалое и небывальщина / Павел Иванович Якушкин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-521-39677-1

ISBN 978-5-521-39677-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Небывальщина I	1
» » II	25
» III .	47
IV	68
Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь .	123
Мужицкій годъ	145
Изъ путевыхъ замѣтокъ .	164
Отрывки безъ конца и начала:	
I. Воля .	182
II. Трехденка .	186
III. До воли .	190
IV. Сходка .	193
V. Порубки	203

НЕБЫВАЛЬЩИНА.

Искра 1864 г.

Никто столько не видывалъ видовъ, сколько нашъ братъ — странникъ: чего только не увидишь, чего не услышишь? И всѣ впечатлѣнія новы, встрѣчи неожиданны. Оттого-то на Руси такъ много путешественниковъ, или, какъ ихъ народъ называетъ: странниковъ. Большинство, и огромное большинство, странниковъ-богомольцевъ, странствуетъ по монастырямъ и церквамъ, прикрываясь только душеспасительною цѣлію, а въ самомъ дѣлѣ ихъ прельщаетъ перемѣна впечатлѣній; а въ послѣдствіи эта жажда новизны доходитъ до какой-то нравственной распущенности: хочется мѣсто перемѣнить и только; какъ ни хорошо жить

дома, а все куда-то хочется; просто — на мѣстѣ не сидится. Простой человѣкъ объясняетъ свое желаніе шлѣться тѣмъ, что онъ *«хочетъ Богу трудиться»*, хочетъ этими трудами пользу душѣ принести, а странники, заподозрѣнные въ большей развитости, бродяжничество свое прикрываютъ пользой наукъ; они тоже объявляютъ, что хлопочуть о наукъ. Какъ странники-богомольцы, такъ и странники съ ученой цѣлью, совершенно не приготовлены для своихъ трудовъ. И въ самомъ дѣлѣ, я знаю *только одного* путешественника по Россіи приготовленнаго къ своимъ работамъ, — г. Тарачкова, учителя естественныхъ наукъ орловскаго кадетскаго корпуса, ѣздившаго по средней полосѣ Россіи, писавшаго въ орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и издававшего въ послѣдствіи свои замѣтки въ Орлѣ, и можетъ быть по этому или по своей специальности не совсѣмъ извѣстнаго читающей публикѣ. Другіе же странники и не

думали себя готовить къ чему бы то ни было. Возьмите вы хоть путешественниковъ — собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ (Кирѣевскій умеръ), сказокъ и тому подобнаго; думали ли они когданибудь заниматься своимъ дѣломъ? Собирателю пѣсенъ, напримѣръ, кромѣ умѣнья читать и писать, должно знать музыку; пѣсня, записанная безъ голоса, теряетъ половину своего значенія, а изъ всѣхъ собирателей нѣтъ ни одного, который бы могъ записать самый простой мотивъ. При изданіи пѣсенъ необходимо сравнить ихъ съ другими, по крайней мѣрѣ славянскими пѣснями, а изъ насъ никто не знаетъ ни одного славянскаго нарѣчія... Впрочемъ, я долженъ оговориться: никто, кромѣ В. А. Безсонова... А впрочемъ, какой же онъ собиратель? Вѣдь онъ собиралъ пѣсни по чужимъ сборникамъ, да по сочиненіямъ Симеона Полоцкаго; а при своей жадности къ этому дѣлу, голоса для этихъ пѣсенъ подобралъ изъ мотивовъ разныхъ италья-

янскихъ оперъ; странствія же его было немного: онъ странствовалъ только по Москвѣ, да, кажется, разъ съѣздилъ къ кому-то въ гости верстъ за сто, да тамъ и записалъ отъ одной горничной *стихъ духовный*. Кто не вѣритъ мнѣ въ этомъ, того могу попросить посмотреть изданіе П. А. Безсонова — Каликъ перехожихъ; но вѣдь это удастся одному г. Безсонову. Но о П. А. Безсоновѣ — въ другомъ мѣстѣ, а теперь, повторивши, что изъ всѣхъ странниковъ - наблюдателей одинъ только г. Тарачковъ знаетъ зачѣмъ пошелъ въ странствіе, я скажу, что если вы спросите каждаго изъ странствующей братіи, ученыхъ ли наблюдателей надъ русской народностью или странниковъ - богомольцевъ, вамъ расскажутъ много и много такихъ встрѣчъ и приключеній, о которыхъ человѣку не странствовавшему никогда и въ голову не можетъ придти.

Едва вы вышли изъ дому въ путь, какъ васъ ожидаютъ встрѣчи съ простымъ лю-

домъ и начальствомъ. Съ простымъ людомъ встрѣтиться не бѣда: отъ него отдѣлаться было въ прежнее, крѣпостное время легко, не смотря на его любопытство.

Идете вы путемъ-дорогой въ мѣстахъ, въ которыхъ васъ никто не знаетъ, да и ближайшій вашъ знакомый живетъ верстахъ въ двухстахъ, а то и больше. Попадается вамъ попутчикъ изъ ближайшей деревни:

— Здравствуй, почтеннѣйшій! заговариваете вы съ нимъ: — Куда Богъ несетъ?

— А мы вотъ въ ту деревню, — отвѣтитъ вамъ мужикъ: — Мы тутошніе....

— Тутошніе? спросите вы, чтобы какъ нибудь вызвать его на разговоры.

— Тутошніе, родимый! Мы изстари тутошніе... А ты отколь идешь? Ты вѣдь не здѣшній?

— Не здѣшній, почтенный, не здѣшній.

— Отколь же идешь?

— Да я изъ-за Москвы.

— Изъ-за Москвы?... Знаю... А по ка-

кимъ такимъ дѣламъ идешь? спросить онъ, не для того, чтобъ узнать съ полицейской цѣлью, кто вы, зачѣмъ идете, а единственно изъ любопытства, если не для того только, чтобъ не молчать дорогой, а поболтать отъ скуки.

— По какимъ такимъ дѣламъ идешь?

— А по своимъ, добрый человѣкъ.

— А? По своимъ! скажетъ онъ, какъ будто совершенно понялъ откуда, куда и зачѣмъ вы идете, нимаго не обидясь вашимъ, въ такой степени яснымъ отвѣтомъ.

Потомъ вы съ нимъ разговоритесь; онъ вамъ будетъ благодаренъ, если вы примете, или хоть покажете участіе въ его горѣ, о которомъ русскій человѣкъ любитъ потолковать со всякимъ; а если вы ему покажетесь, и его изба будетъ по пути, — зазоветъ васъ къ себѣ обѣдать или ночевать. Впрочемъ, это было сперва, еще до 19 февраля, теперь не то. Въ былыя времена поймай бродягу, поведешь къ началь-

ству, самого затаскаютъ по судамъ, стануть спрашивать: какъ поймалъ, гдѣ поймалъ, да и сдѣлаютъ причастнымъ къ дѣлу, не радъ будешь, что и поймалъ недобраго человѣка; а теперь начальство — мировой посредникъ, а мировой посредникъ свой человѣкъ: приведешь къ нему или хоть къ сельскому старостѣ — тебѣ ничего не будетъ: сдалъ на руки — тебя сейчасъ же и отпустятъ. А потому встрѣча съ простымъ мужикомъ, кому бы то ни было, какъ бы кто ни былъ извѣстенъ за нехорошаго человѣка, ни для кого не опасна, тогда какъ въ старые годы, встрѣтиться въ деревенской глуши съ начальствующимъ лицомъ иногда значило попасться въ бѣду, а чѣмъ ниже было начальство, тѣмъ было хуже. Напримѣръ, у меня была встрѣча съ сотскимъ... Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ моемъ путешествіи.

Я тогда былъ еще студентомъ московскаго университета. Въ одинъ прекрасный день купилъ рублей на десять разнаго

товара, уложилъ въ коробку и отправился въ путь; и съ этой коробкой, — коробейникомъ пришелъ въ одно большое село, одной изъ близкихъ отъ Москвы губерній. Въ этомъ селѣ я и положилъ имѣть свою главную квартиру. Познакомившись съ сыномъ моего хозяина, парнемъ лѣтъ 20-ти, мы съ нимъ не разставались недѣли двѣ. Пообѣдавши съ нимъ часу въ 9-мъ поутру, мы съ нимъ отправились *торговать* по сосѣднимъ деревнямъ, и, надо правду сказать, пѣсенъ собрали много, денегъ же наторговали одинъ двугривенный, потому что мой товаръ былъ *безцѣнный*. Такъ на примѣръ, какъ вы опредѣлите цѣну этому товару: 3 пары серегъ стоили мнѣ двѣ копейки ассигнаціями, по тогдашнему—грошъ; сколько я долженъ былъ брать за одну пару? Поэтому я за свой товаръ разсчитывался пѣснями, и одной только неотвязчивой попадѣ, за двугривенный продалъ платокъ, и по сю пору не знаю, дорого или дешево отдалъ этотъ платокъ.